

ДЕНЬ АНГЕЛА

Мелодрама

Действующие лица:

А Д А
Р О М А Н
Ж У Д Р Е Н К О
В У С П Е Р Т
Н А Т А Ш А
К У З И Н А
В О Р О Б Ь Е В
В О Р О Б Ь Е В А
Т Е Т Я Р О М А Н А

Просторная квартира хорошо обеспеченных людей. Зал. Стол, накрытый к приему гостей. Ада, хозяйка дома, заканчивает последние приготовления – поправляет цветы, салфетки, приборы. Это крупная, породистая, уверенная в себе женщина. Роман с небольшим ноутбуком на коленях – он с ним не расстается, -- сидит к ней спиной и переключает программы телевизора.

А д а (после паузы). Можешь представить, что мне приснилось?

Р о м а н. Ну?

А д а. Ты не слушаешь.

Р о м а н. Слушаю...

А д а. Ты телевизор смотришь!

Р о м а н. Слушаю... (Сделал тише телевизор.)

А д а (раздраженно). Тогда повернись ко мне! Слышишь? Повернись! На меня смотри, а не на телевизор!

Роман послушно и в то же время демонстративно разворачивает кресло, смотрит на Аду.

Р о м а н. Ну?

А д а. Можешь себе представить – конец света!

Р о м а н. Банально.

А д а. Ну, если и не самый конец, то что-то вроде... Такой гигантский корабль наползает на берег и весь разваливается... Небо темное... свинцовое... Как перед грозой. А внизу, на горизонте, багровая полоса... Жуть, короче. И дома вокруг тоже разваливаются.

Р о м а н. А ты?

А д а. Я в другом доме.

Р о м а н. И он разваливается?

А д а. Он не разваливается.

Р о м а н. А я где?

А д а. Где-то поблизости.

Р о м а н. Тоже в безопасности?

А д а. Да.

Р о м а н. Ну что... Хороший сон. Все кругом разваливается, а мы в безопасности.

А д а (зашла ему за спину, обняла за плечи). Скажи, нам хорошо, да?

Р о м а н. Нормально.

А д а. Хорошо.

Р о м а н. Конечно.

Пауза. Из своей комнаты выходит Тетя, сухонькая старушка, зорко, плотноядно смотрит на блюда.

А д а. Тетя! Те-тя! Вы только ели!

Р о м а н. Она на икру смотрит. Дай ей икры.

А д а. Ей нельзя соленое.

Р о м а н. Подумаешь, -- один бутерброд!

А д а. Я ее только кормила. Полчаса назад!

Р о м а (с пафосом). Это моя тетя! Сестра моей матери! Она меня вырастила!

А д а. Мне что? Жалко?

Ада дает старушке бутерброд, та быстро его уминает, но от стола не отходит.

Р о м а н. Дай ей еще что-нибудь!

А д а (накладывает в тарелку салат, зло). Если у нее будет расстройство желудка, ты будешь виноват!

Р о м а н. Она – все, что осталось от моей семьи. Она – моя тетя!

А д а. Ладно, давай без этого.

Р о м а н. Без чего?

А д а. Без хныканья этого, вот без чего! Я ее кормлю по рекомендациям современной медицинской науки. Спасибо бы сказал!

Р о м а н. Спасибо.

А д а (выпроваживает). Идите, тетя, идите к себе.

Закрывает за Тетей дверь, возвращается.

Р о м а н. Который час?

А д а. Да пора бы уже.

Р о м а н. Вусперт придет?

А д а. Всегда приходит..

Р о м а н. На этот раз с кем?

А д а. Да, интересно, на этот раз с кем?

Р о м а н. Он все-таки развелся?

А д а. Это еще с чего? Жены ему никогда не мешали.

Р о м а н. Талант.

А д а. Завидуешь? Знаю, завидуешь. Сам хотел бы – кишка тонка!

Р о м а н. Не провоцируй.

А д а (после паузы). Да, запаздывают что-то... Бутерброды высыхают.

Роман барабанит пальцем по подлокотнику кресла.

Р о м а н. Вроде, лифт едет? (Прислушивается.)

А д а (прислушивается). Это на другой этаж. (После паузы.) Если честно, мне давно уже действуют на нервы эти посиделки. Подумаешь, сайт одноклассников!

Р о м а н. Это не сайт одноклассников.

А д а. Тем более, это даже не сайт одноклассников. Ты же такой добрый, ты всех тащил в дом. Корми, жена! А ведь по сути – это уже чужие люди. Ты в другой точке пространства. И интересы ваши можно сказать не сов-па-да-ют. Приглашать надо тех, с кем у тебя сов-па-да-ют интересы. А не это... фантастическое прошлое.

Р о м а н. Традиция. Один день в году.

А д а. Да, один день, только потом мне весь год икается. Так обговарят! Я горбачусь на кухне и все думаю – оно мне нужно?

Р о м а н. Так ты же в кулинарии взяла.

А д а. Не все. Бутерброды вон сама делала. Уверяю тебя, бутерброды – это трудоемко. (После паузы.) В прошлый раз Рысымбаев попал случайно, так какой подарок сделал!

Р о м а н. Какой подарок?

А д а. Ты что, совсем уже? Вот эту картину!

Р о м а н (смотрит на картину). Ты думаешь, она дорогая?

А д а. Ты на раму посмотри!

Р о м а н. Рама... Да...

А д а. Вусперт скуп, как Папа Карло. Тратит только на баб. Мне ничего от него не нужно, просто противно.

Р о м а н. Папа Карло был скуп?

А д а. Папа Карло, как ты знаешь, был беден. Буратино луковицей кормил.

Р о м а н. Ну, Вусперт не беден.

А д а. А как до дела – на луковицу бантик и вот тебе подарок. (После паузы.) Но я не про Вусперта... Общество разделяется. С этим ты не можешь не согласиться

Р о м а н. Это понятно.

А д а. Не может тот, у кого нет, любить того, у кого есть. Это уже октябрьская революция доказала, да и все остальные революции вообще (После паузы.) Сорок минут опоздания... Это уже ни в какие ворота! Думаешь просто так? Это же они нарочно! Вот мы как с вами! Мы на вас, пардон, болт положили.

Р о м а н. Может, у них проблемы...

А д а. У н и х всегда проблемы! У нас нет проблем, а у них – есть. Выпьем, черт их всех побери! Я с утра кручусь. Надоело!

Р о м а н. Подождем немного.

А д а. Главное, никто не позвонит, не извинится.

Р о м а н. Может, твой сон как раз к этому. Везде конец света, только мы с тобой тут сидим. В безопасности...

А д а. Так мы же работали. Ты головой работал, головой! А я тебе помогала.

(Прислушалась.) Вроде, лифт... Ей богу, уже видеть их всех не хочу! На наш этаж...

Звонок в дверь.

Иди, открывай, именинник! Делай веселое лицо!

Роман уходит в прихожую, какое-то время его нет.

(Нетерпеливо.) Ну? Что вы там застряли?

Входят Роман и Жудренко.

А д а (после паузы). Простите, вы кто? Что вам от нас надо?

Ж у д р е н к о (косноязычно, наклонив лицо и глядя куда-то в пол). Я... вообще-то... да...

Вообще-то один человек, товарищ, да, знакомый мой, сказал, что сегодня будет у вас...

А д а. К-а-кой человек?

Ж у д р е н к о. Вы его знаете, конечно... Конечно знаете... Так он мне сказал... Вот... А он мне сегодня очень нужен...

А д а. Кто вы?

Ж у д р е н к о. Я? Жудренко Олег Иванович... Паспорт... (Шарит по карманам.) Нет... с собой... Сейчас нет... Иногда ношу...

А д а. Что-то я ничего не понимаю... Не врубаюсь... Мы вас не знаем, вы приходите... Это что, нормально?

Ж у д р е н к о. Я же сказал – мне нужно увидеть человека, который сегодня будет у вас.

А д а. Какого человека? Другого места не нашли?

Ж у д р е н к о. Его фамилия... Нет... Я же все по имени, по имени... Гриша...

А д а. У нас несколько знакомых с таким именем!

Р о м а н. Пригласи человека, в конце концов!

А д а. Какого человека? Я его не знаю. А ты знаешь?

Р о м а н. Он представился.

А д а. Почему это я должна ему верить? Почему? Я его не знаю! И ты не знаешь!

Р о м а н. Проходите... Проходите... Присаживайтесь...

Ж у д р е н к о (топчется на месте). Погода сегодня не то, чтобы очень...

Р о м а н. Да, сегодня погода... Не зря моей жене приснилось...

Ж у д р е н к о (с выраженным интересом). Что?

Р о м а н (со смешком). Представьте себе – конец света!

Ж у д р е н к о. Так он и будет! Вот увидите!

А д а. Увидим, если проживем миллион лет.

Ж у д р е н к о. Гораздо, гораздо раньше! Вот увидите! Еще на нашем веку!
А д а. На вашем, возможно, но не на моем. Ладно, хватит глупостей!

Смотрит вниз, на ноги Жудренко.

Ж у д р е н к о. Я там наследил... немного... В прихожей... Погода...

А д а (сухо). Вы бы разулись...

Ж у д р е н к о. Не люблю разуваться. Как-то не очень... Как-то униженно себя чувствуешь... Ноги в носках... по сиротски... Самый внушительный мужчина превращается в сироту... Что тогда говорить обо мне?

А д а (сурово). Так принято.

Ж у д р е н к о (послушно). Тогда я разуюсь.

Р о м а н. Не надо разуваться. Если не любите, не надо! Подумаешь, правила! У меня сегодня мои правила!

А д а (нарочито уступчиво). Хорошо, твои.

Р о м а н. Выпьем, наверное?

Ж у д р е н к о (охотно). Вообще, я не против...

Р о м а н. Вот и выпьем! Давайте, давайте!

Подталкивает Жудренко к столу, подвигает стул, сам садится напротив, щедро наливает сначала ему, потом себе. Себе поменьше. Он вообще пьет немного.

А д а. А про жену забыл?

Р о м а н. Как про жену забудешь?

А д а. Мне, пожалуйста, вон того, красненького...

Р о м а н. Слушаю и повинуюсь.

Ж у д р е н к о (взял рюмку). За вас?

Р о м а н. Давайте за меня!

Ж у д р е н к о. За вас!

Выпил залпом. Ада медленно пьет вино, пристально смотрит на Жудренко.

Р о м а н. Вы закусывайте, закусывайте! (Накладывает ему на тарелку закуску.)

Ж у д р е н к о. Спасибо. Так получилось. С утра ничего не ел.

А д а. Это еще почему?

Ж у д р е н к о. Да много всего. Вам неинтересно.

А д а. А может интересно....

Роман хлебосольно накладывает еще. Жудренко ест и с большим аппетитом,
Роман ему подливает.

А д а (с неприязнью на это смотрит). Я на минуту... (Выходит, но скоро возвращается.)

Где наша телефонная книга?

Р о м а н. В прихожей.

А д а. Что-то не нашла.

Р о м а н. В спальне посмотри, на тумбочке.

Ада уходит, доносится ее голос, она говорит по телефону. Жудренко все ест, Роман ему подливает. Появляется Ада.

А д а. Рома! Роман! Иди сюда!

Отводит Романа подальше, в глубь квартиры.

У Гриши температура.

Р о м а н. Какого?

А л а. Новикова. До Божанского не дозвонилась.

Р о м а н (дожевывает). Да?

А д а. Высокая. У него – грипп!

Р о м а н. У кого?

А д а. У Новикова!

Р о м а н. Да?

А д а. Но дело не в этом... (После паузы. Еще тише.) Он не знает никакого Жудренко! Вон того, который сидит за нашим столом и жрет мои бутерброды ! Вернее, знает, но не настолько... Этот Жудренко, он говорит, просто является туда, где гуляют, вот и является! Да! На презентации, юбилеи! Тут как тут.

Р о м а н (с любопытством). А откуда он наш адрес узнал?

А д а. Это сейчас не проблема. Сидит себе, как ни в чем не бывало, мерзавец такой, и жрет мои бутерброды!

Р о м а н. Не жадничай. Пусть ест.

А д а. Да не жалко мне! Я из принципа!

Звонок.

И-дут! Что же ты? Открывай...

Роман идет открывать. Входят, а точнее даже «вваливаются» Воробьевы, Кузина и Вусперт с Наташей. Воробьевы – одноклассники Романа, многолетняя семейная пара. Он большой, грузный, она тоже довольно в теле. Выражение лиц похожи, как бывают похожи лица у старых супругов. Кузина, тоже одноклассница, невысокая миниатюрная женщина, всегда пребывающая в некотором внутреннем, неуютном беспокойстве. С Вуспетром Роман познакомился позднее, но все присутствующие его знают. Это холеный щеголь с аккуратно подстриженной бородкой. Наташа – красивая, суховатая блондинка, затянутая в облегающий костюм, как в жесткие доспехи.

Вошедшие обнимаются с хозяевами с преувеличенным оживлением.

,В с е. Привет, привет!

А д а. При-вет!

В о р о б ь е в а. Адка, как всегда. Без комментариев.

А д а. Да ну! Ты тоже.

В о р о б ь е в а. Я располнела.

А д а. В меру.

В о р о б ь е в а. Располнела-располнела! Не уговаривай!

А д а. Да ладно тебе. (Пауза.) А мы уже вас и не ждали.

В о р о б ь е в а. Как это не ждали? Я Воробьеву говорю – к Ромке на день рождения мы и на костылях придем.

А д а. На костылях-то не надо.

В о р о б ь е в а. Придем!

Р о м а. Все нормально.

В о р о б ь е в а. Нормально, нормально.

В о р о б ь е в. Конечно, нормально.

Р о м а н. Давайте, ребята, к столу! Быстренько! И всем штрафную.

В о р о б ь е в а. Ну, стол у вас!

К у з и н а. Как всегда! У Ады -- стол!

Оживленно рассаживаются, застолье начинается. Жудренко сидит тихо, наклонив голову и даже немного тушуясь. Никто не обращает на него внимания.

К у з и н а. Я скажу тост!

Р о м а н. Валяй!

К у з и н а. Я знаю Ромку со второго класса! Я знаю его дольше всех. Если бы не ты, Ада, вот клянусь! Клянусь! Он был супер! Он уже во втором классе был супер. У него была одна штучка...

А д а. Интересно, какая это штучка?

В о р о б ь е в а. Интересно, какая штучка?

Р о м а н. Электронная книжка у меня была, с калькулятором.

К у з и н а. Вот-вот! Ни у кого не было, а у него – была! Я же говорю – он был супер!

В о р о б ь е в. Я вдогонку! Тост вдогонку! Я тоже Ромку давно знаю! Он был классный парень! Наш человек! За Ромку!

В о р о б ь е в а. За Ромку!

В о р о б ь е в. И за его штучку! Ха-ха-ха!

А д а (тихо). Они мне на нервы действуют. Приползли... Явились – не запылились...

Надо было пригласить нормальных, приличных людей. Вон, едят с какой жадностью. А подарки-то с гулькин нос!

Р о м а н (тихо). Это мой день рождения, черт побери! Это традиция!

А д а. Да пошла она, твоя традиция! Нет уже никаких традиций! Все смешалось в доме Облонских. Мы в открытом море.

Появляется Тетя. Стоит в дверях своей комнаты и смотрит на присутствующих.

К у з и н а. Рома, это твоя тетя? Я ее помню... Но она стала такой маленькой! А когда-то я ее даже боялась. Она была ну прямо... Строгая такая.

А д а (подхватила). Тетя, идите к себе, идите...

Выпроваживает Тетю. Тетя появляется и в дальнейшем, но Ада всегда начеку.

Тут же прикрывает за ней дверь чуть ли не своим телом.

В о р о б ь в а. Старость, как это ужасно!
В о р о б ь е в. Ты не постареешь, не бойся.
В о р о б ь е в а. Постарею... Куда денусь. Как все.

Пауза.

Н а т а ш а (Аде). У вас есть аптечка?
А д а. В смысле?
Н а т а ш а. Коробка с лекарствами?
А д а. У вас что-то болит?
Н а т а ш а. Меня интересует ваша коробка с лекарствами. Где вы держите ваши лекарства? Не бросаете же по всему дому.
А д а. Вам что за дело? Если у вас что-то болит, говорите прямо.
Н а т а ш а. Я прямо и говорю – где лежат ваши лекарства, на кухне или в ванной?
А д а. И там, и там..

Из кухни доносится грохот.

Р о м а н. Тетя?
А д а. Тетя у себя.
Н а т а ш а. Я вас спрашивала. Теперь – полюбуйтесь!

Наташа распахивает дверь на кухню – на полу лежит Жудренко. Как он туда попал, мало понятно. Все вскакивают, беспомощно толпятся вокруг.

В у с п е р т. Это он? Почему ты мне сразу не сказала? Так не честно...
Н а т а ш а. Тихо! Ти-хо. (Оттесняет всех, деловито.) Какие лекарства были у вас на кухне?
А д а. Витамины и аспирин.
Р о м а н. На кухне лекарства тети.
А д а. Лекарства тети у меня в тумбочке. А тут только ее витамины и аспирин.
Н а т а ш а. Короче, скорую вызывать не будем. (Подталкивает Жудренко носком туфли.)
Вставай, Жудренко! Не выделывайся. Скорую вызывать не будем.

Наташа закрывает дверь на кухню.

Все хорошо, нормально, не беспокойтесь. С ним это бывает.

Все возвращаются к столу.

Я скажу тост! Я совершенно не знаю именинника, да, совершенно! Внешне он вполне симпатичный человек, да и друзья говорят, что он – классный. Так что вполне, да, есть повод за него выпить. Он того стоит. А этот... пусть ползает по вашей кухне! Он не заслуживает нашего внимания. Я говорила вам про лекарства, можно сказать даже –

предупреждала. Ничего просто так не бывает. Кругом приметы, кругом знаки – надо быть внимательными. Вы не внимательны. Дополнительный тост -- за внимание!

А д а (тихо). Боже! Где этот идиот Вусперт ее подцепил?

Р о м а н (упрямо). Это мой день рождения!

В о р о б ь е в а. Можете себе представить, в прошлом месяце слышала... Тоже в какой-то компании... Мужчина пошел в ванну... и выпил все лекарства. Хозяйка заходит в ванну, а он там лежит и весь синий.

Н а т а ш а. Так это он и был. Он понять не может – я свободная женщина. Мы живем в двадцать первом веке. Предлагаю тост – за свободных женщин!

А д а. Интересно, здесь есть свободные женщины?

К у з и н а. Я... свободная женщина...

А д а. Вот за тебя и выпьем. За то, что при раздаче тебе не достался мой Ромка. А ведь у тебя на это было столько лет!

Вусперт пытается незаметно скрыться в прихожей. Ада его догоняет.

Стоп, стоп, стоп!...

В у с п е р т. Слушай, ты меня извини, конечно... Мне и в голову не могло придти... (Нервно теребит брошку на ее кофточке.)

А д а. Оставь в покое мою брошку!

В у с п е р т. Да я с ней всего пару раз встретился... Нормальная, вроде, женщина... красивая...

А д а. О вкусах не спорят...

В у с п е р т (быстро одевается). Да мне и в голову, ей Богу! (Хватает шляпу, кашне.)

А д а. Пару раз встретился и тут же к нам в дом! Ничего себе... А-ну давай шляпу... И шарф!

В у с п е р т. Ада!

А д а. Что, Ада? Ты ее привел, ты ее и уведешь.

Подталкивает его к столу.

В о р о б ь е в а (оживленно, поддерживая светскую беседу). Салат вон тот просто замечательный. Ада, открой тайну.

А д а. Он из кулинарии. Там и спрашивай.

В о р о б ь е в а. В нашей кулинарии такого не купишь.

А д а. А в нашей купишь.

Тихо открывается дверь на кухню и, стараясь быть незаметным, выходит Жудренко, садится к столу.

К у з и н а. Положить вам салат?

Ж у д р е н к о. Пожалуйста...

В о р о б ь е в (нарочито весело). Мне, пожалуйста, хлеб. Хлеб – всему голова. О, вспомнил анекдот!

В о р о б ь е в а. Не надо, не надо твоих анекдотов. Сашка, не пей... Хватит....

А д а (Роме тихо). Обрати внимание – сожрал теткинны витамины, а теперь еще ест салат.

Р о м а н. Не жадничай.

К у з и н а. Как вы себя чувствуете?

Ж у д р е н к о. Вообще-то, не очень...

К у з и н а. Зачем вы это сделали?

Ж у д р е н к о. Думаете, я знаю? (После паузы.) Просто я – демонстративный истероид. Я читал... Все совпадает. Моя жена тоже демонстративный истероид, можете мне поверить. Она демонстрирует свою свободу, а я - свою зависимость.

К у з и н а. Вы так ее любите?

Ж у д р е н к о. Разве такую женщину можно любить? Вы на нее посмотрите!

К у з и н а. Она... красивая.

Ж у д р е н к о. Плоская, холодная. Рыба!

К у з и н а. У нее правильные черты.

Ж у д р е н к о. Треугольник тоже правильный. Терпеть не могу симметрию.

К у з и н а. Тогда зачем вы все это делаете? Ходите за ней?

Ж у д р е н к о. Я же сказал – я демонстративный истероид и она демонстративный истероид. Только с противоположным знаком. Это энергетический клубок. Вы понимаете?

К у з и н а. Понимаю...

Ж у д р е н к о. Энергетический клубок. Это фатально.

К у з и н а. Да... У меня тоже... Вот не хочу что-то делать, а делаю... Как будто что-то толкает.

Ж у д р е н к о. И вы?

Кузина кивает.

Вот вы... красивая. У вас что-то мягкое в лице...

К у з и н а. Не знаю...

Ж у д р е н к о. Добрый, добрый! Вы добрый человек...

К у з и н а (торопливо, нервно). Вы меня не знаете. Я шла сюда и думала... Зачем иду?

Каблук прогибается, сумка старая... Вы не знаете, как это неприятно, когда у сумки потертая ручка... Надо ее все время рукой прикрывать... Я же знаю, Адка презирает меня за эту сумку... А я презираю ее за то, что она меня презирает. Тогда зачем идти?

Ж у д р е н к о (после паузы). Вы добрая в основном, все остальное – так... Ведь все просто – есть добрые, а есть злые. Вы – добрая, а она – злая. Не усложняйте. Ладно, пойду.

Навыступался.

Жудренко выбирается из-за стола, нетвердой походкой, пошатываясь, идет в прихожую. Никто не обращает на него внимания. Кузина догоняет его.

К у з и н а. Пойдите, вы же идти не можете, вас шатает.

Ж у д р е н к о. Как-нибудь дойду.

К у з и н а. Сядьте, посидите, не упрямитесь!

Усаживает Жудренко на диванчик в прихожей.

Ж у д р е н к о (послушно). Да, я все-таки сяду.

Воробьев и Воробьева тихо, но эмоционально напряженно общаются между собой.

В о р о б ь е в а. Ты с ним... говорил?

В о р о б ь е в. Когда?

В о р о б ь е в а. Сейчас! Сейчас! Как раз такой момент! Сашка, придурок, ты для этого и шел!

В о р о б ь е в. Я шел на день рождения.

В о р о б ь е в а. Не хотел! Сам сказал – я что, вассал?

В о р о б ь е в. Я не вассал.

В о р о б ь е в а. Я тебя вытащила, придурок несчастный.

В о р о б ь е в. Я не вассал!

В о р о б ь е в а. Вот именно. У тебя свои интересы. Ты хотел поговорить.

В о р о б ь е в. Не сейчас же.

В о р о б ь е в а. А когда?

В о р о б ь е в (сопротивляется). В другой раз...

В о р о б ь е в а. Другой раз будет через год! Давай! Вон он один... Давай! Не выводи меня из себя!

Воробьев неуверенно, фальшиво похохатывая подходит к Роме.

Рома как всегда с ноутбуком и даже что-то делает на нем.

В о р о б ь е в. Ромка... ну... Как дела?

Р о м а н. Нормально.

В о р о б ь е в. Жизнь... В целом, жизнь.

Р о м а н. Нормально. А у тебя?

В о р о б ь е в. Тоже... Хотя вообще-то, я бы так не сказал... Нет...

Р о м а н (не вникая). А что такое?

В о р о б ь е в. А... Перспектив нет...

Р о м а н (не вникая). Тебе нужна перспектива?

В о р о б ь е в. Хоть какая-то... Личный рост, самовыражение... Да...

Р о м а н. Тебе нужно самовыражение?

В о р о б ь е в. Ну... В каких-то пределах... Это понятно.

Р о м а н. А платят? За отсутствие самовыражения?

В о р о б ь е в. В том-то и дело... Что там говорить! (После паузы. Мнется.) Слышал у тебя место есть, вакантное...

Р о м а н. От кого слышал?

В о р о б ь е в. Ты его не знаешь.

Р о м а н. Он про меня знает, а я про него нет. Интересно.

В о р о б ь е в. Ну так ты на виду...

Р о м а н. Нет у меня вакансии, Саша. С перспективой и самовыражением тоже проблема. Даже в каких-то пределах.

В о р о б ь е в. Тогда извини.

Р о м а н. Да ничего, я бы рад был, поверь.

В о р о б ь е в. Извини... Извини...

Воробьев отправляется на прежнее место, к жене.

В о р о б ь е в а. Ну как?

В о р о б ь е в. Глупо. Я тебе говорил. Дай-ка мне выпить.

В о р о б ь е в а. Ты не ответил на мой вопрос!

В о р о б ь е в. Ответил. Дай мне выпить.

Супруги взволнованно, но тихо говорят между собой. Тетя появляется из своей комнаты, Ада выдворяет ее на место, раздраженно идет на кухню, потом вглубь квартиры, поправляет прическу. Кузина и Жудренко сидят на диванчике в прихожей. Роман в очередной раз чем-то заинтересовался в ноутбуке.

В у с п е р т (суровым шепотом). Ты знала, что он здесь будет?

Н а т а ш а (равнодушно). Конечно, нет.

В у с п е р т. Ты же знала, что он за тобой таскается!

Н а т а ш а. Не всегда.

В у с п е р т. Но бывает же!

Н а т а ш а. Бывает...

В у с п е р т. В какое положение ты меня поставила!

Н а т а ш а. В какое?

В у с п е р т. Неловкое! Это мои друзья... А вдруг об этом узнает моя жена?

Н а т а ш а. Ну так и что.

В у с п е р т. Как это что?! Мы с тобой знакомы всего неделю!

Н а т а ш а. Ого! Целую неделю!

В у с п е р т. Может, через неделю, да хоть завтра, мы расстанемся!

Н а т а ш а. Вполне возможно.

В у с п е р т. Я – женатый человек!

Н а т а ш а. Я тоже замужем.

В у с п е р т. Она ни в чем не виновата!

Н а т а ш а. Логика непонятна. Что же ты сейчас со мной, если так ее бережешь?

В у с п е р т. Да, берегу, да! Она – моя жена! Ей совершенно незачем знать!

Н а т а ш а. Пусть знает.

В у с п е р т (злобно). Ты с ума сошла! Мы с тобой чужие люди! Что ей знать?

Н а т а ш а. Вот это. Что мы с тобой – чужие люди. Но ты сюда пришел не с ней, а со мной. Да, к своим друзьям.

В у с п е р т. Я думал, ты – приличная, умная женщина.

Н а т а ш а. Если я здесь, я уже не совсем приличная.

В у с п е р т. Я думал, ты – красивая...

Н а т а ш а. Ты это отрицаешь?

В у с п е р т. Женственная...

Н а т а ш а. Передай мне, пожалуйста, ветчины...

Воробьев размашисто встает, при этом, опрокинув стул.

В о р о б ь е в а. Ты куда?

В о р о б ь е в. С Ромкой по-говорить!
В о р о б ь е в а. Вот уже не надо. Сейчас не надо. В другой раз.
В о р о б ь е в. Нет, сейчас! Другой раз будет через год!
В о р о б ь е в а. Через год так через год. Сейчас ты пьяный, Воробьев! Ты просто пьяный.
В о р о б ь е в. Да, я пьяный, поэтому я смелый. Не мешай, женщина!

Воробьев вылезает из-за стола и подходит к Роме.

Рома, хочу сказать тебе что-то...

Р о м а. Ну?

В о р о б ь е в. Вот ты мне ответь! Мне просто интересно... Теоретически даже...
интересно...

Р о м а. Давай без подходов...

В о р о б ь е в. Я без подходов... Я прямо, да. Резюме!

Р о м а н. Ну... Резюме... Дальше.

В о р о б ь е в. Дальше не надо. Знаешь, что такое?

Р о м а н. Конечно!

В о р о б ь е в. Говорят, -- давай резюме! Покажи, какой ты, пушистее, чем Вася какой-
нибудь, к примеру!

Р о м а н. Ну так понятно. Чтобы тебя взяли на работу, тебя, а не Васю.

В о р о б ь е в. А Васе чтоб умы-ться?

Р о м а н. Не дури ты мне голову. Тебе нужна работа?

В о р о б ь е в. Нужна... Я говорил...

Р о м а н. Вот и пиши это самое резюме!

В о р о б ь е в. Так, может, и гадость какую-нибудь про Васю написать, чтоб уж без
проблем!

Пауза.

Сам-то писал? На Васю?

Пауза.

Чтоб умылся этот Вася гребаный! Чтоб добить!

Р о м а н. Какой... Вася?

В о р о б ь е в. Я, к примеру, я – гипотетически... Вон он, видишь? Под ногами у тебя,
под ногами! Вася! У тебя под ногами, потому что ты – пушистее!

Р о м а н. Что ты от меня хочешь, Воробьев?

В о р о б ь е в. Выяснить!

Р о м а н. Что выяснить?

В о р о б ь е в (после паузы). Не могу я валить Васю, вот в чем проблема!

Р о м а н. Да какая же это проблема? (После паузы.) Тогда сиди, где сидел.

В о р о б ь е в. Выхода нет?

Р о м а н. Другого выхода нет.

В о р о б ь е в. Тупик? Тупик. Понятно. Понятно. Спасибо, друг. Научил.

Возвращается за стол к жене.

Уходим.

В о р о б ь е в а (с интересом прислушивается к перепалке между Вуспертом и Наташей).

Посидим. Мне уже интересно...

В о р о б ь е в. Уходим. Или я тут все переломаю!

В о р о б ь е в а. Воробьев, ты напился...

В о р о б ь е в. Да, я напился! Я могу! Что с меня взять!

В о р о б ь е в а. Еще чуть-чуть и пойдем... Дай на людей посмотреть.

В о р о б ь е в (мрачно). Это люди?

В о р о б ь е в а. Воробьев, сколько раз тебе повторять – других нет!

Наташа хочет встать из-за стола, Вусперт ее удерживает.

В у с п е р т. Вы же не можете вот так уйти...

Н а т а ш а. Очень даже могу! Домой пойду.

В у с п е р т. Вы со мной пришли, со мной и уйдете. Иначе не по правилам.

Н а т а ш а. Не по правилам уходить, когда хочется. Не по правилам, чтобы жена знала!

В у с п е р т. Да, не по правилам.

Н а т а ш а. Плевать мне на ваши правила! С высокой горки!

Наташа опять пытается встать, Вусперт удерживает ее.

В у с п е р т. Нет уж! Соблюдайте приличия! Мужчине неприятно, когда женщина, с которой он пришел, встает и уходит.

Н а т а ш а. Так вам неприятно?

В у с п е р т. Конечно!

Н а т а ш а. Переживете! (Колет руку Вусперта вилкой.) Я все равно уйду!

В у с п е р т (сдавленно). А-а-а!

Наташа делает попытку встать, но Вусперт опять задерживает ее.

Притащила за собой этого идиота! Вы представляете, что было бы, если бы я притащил за собой жену!

Н а т а ш а. Ха-ха-ха!

В у с п е р т. Вот вам и ха-ха-ха! Другое дело – моя жена воспитанная женщина!

Небольшой, умеренный скандал – это предел.

Наташа опять пытается встать, но Вусперт снова силой удерживает ее.

(Шипит, чувствуя, что Воробьева за ними наблюдает.) Таких, как вы, надо наказывать.

Такие нарушают мировое равновесие. Все должно быть пристойно. За что я люблю Ромку – все, что он делает, -- пристойно.

Наташа рванулась в очередной раз.

А черт с вами – идите!

Наташа выбирается из-за стола.

(Смотрит ей вслед. Другим тоном.) Это ваше решение, хотя и жаль. Я бы еще хотел с вами встретиться. В вас есть, да... чертовщинка. Женщины, в основном, пресные...

Наташа выходит в прихожую, где на диванчике, тесно сгруппировавшись, Жудренко и Кузина.

Н а т а ш а (строго). Что вы тут делаете здесь с моим мужем?

К у з и н а. Вы видите – ему нехорошо.

Н а т а ш а. Поэтому к нему надо так прижиматься?

Кузина поспешно отодвигается от Жудренко.

Ну, пошли, пошли... Домой!

Ж у д р е н к о (Кузиной). Спасибо...

Н а т а ш а. За что это ты ее благодаришь?

Ж у д р е н к о. Просто... за доброту.

Н а т а ш а (насмешливо). По-нят-но... Ладно, вставай, теперь пойдешь к злой.

Жудренко с Наташей уходят.

В о р о б ь е в а. Знаешь, сколько у Кузиной было мужей?

В о р о б ь е в. Двое?

В о р о б ь е в а. Три с половиной.

В о р о б ь е в. Почему с половиной?

В о р о б ь е в а. С тем она не расписывалась.

В о р о б ь е в. А с тремя расписывалась?

В о р о б ь е в а. Я и говорю.

В о р о б ь е в. Да...

В о р о б ь е в а. А те трое при разводе... И все по закону, все по закону, что могли, то и отщипнули...

В о р о б ь е в. А четвертый?

В о р о б ь е в а. Не беспокойся, и он что-то унес. Просто взял и унес. По мелочи. Вазу, кажется. И сенокосилку с дачи.

В о р о б ь е в. Сенокосилку зачем?

В о р о б ь е в а. Зачем сенокосилка? Сено косить. В других местах. Травы много. (После паузы.) Таких дур, как Кузина, еще поискать. Она же нищей осталась!

В о р о б ь е в. А дача?

В о р о б ь е в а. Ее она еще со вторым мужем делила.

В о р о б ь е в. Откуда тогда сенокосилка?

В о р о б ь е в а. А та у нее на лоджии стояла. Теперь она нищая совсем. Посмотри на ее сумку!

В о р о б ь е в (тупо). Она человек... хороший, скорее...

В о р о б ь е в а. Дура она, а не хороший человек. Не была бы дурой, может, и хорошей бы не была.

В о р о б ь е в. От тебя-то не отщипнешь.

В о р о б ь е в а. Ты у меня жизнь отщипнул, Воробьев, молчал бы уж!

Ада возвращается к столу, подсаживается к Вусперту, пребывающему в самом мрачном настроении.

А д а (раздраженно). Слушай, Гриша... А не кажется ли тебе, что это уже слишком?

В у с п е р т. Что?

А д а. Все э т о? Ты каждый раз приводишь к нам какую-то свою очередную... даму! Это бестактно даже по отношению ко мне. Как потом смотреть в глаза твоей Ларисе?

В у с п е р т. Ты часто в глаза ей смотришь?

А д а. Неважно. Дело в принципе. Прошлая твоя дама разбила мне любимый бокал. А эта вообще притащила черт-те кого и устроила черт-те что!

В у с п е р т. Согласись – она все-таки интересная женщина.

А д а. О вкусах не спорят..

В у с п е р т. Я думал – здесь меня понимают.

А д а. Мы тебя понимаем, но не до такой же степени!

В у с п е р т. Где еще быть свободным, как не у друзей? Кругом эти цепи – дома, на службе, на улице... Не могу же я влезть куда-нибудь повыше и заорать – люди, мне так хреново!

А д а. Это тебе-то хреново?

В у с п е р т. Да, мне хреново! Плаваю в бочке с дерьмом! Мне нужно успокоение, мне нужна помощь! Мне нужна женщина, любовь, иллюзия!

А д а. Да брось прибедняться, ты зарабатываешь не намного меньше Ромки!

В у с п е р т. А смысл? Я умру через двадцать лет! Что такое двадцать лет? Тьфу и нету! Можно сказать – это завтра. Завтра я умру!

А д а. Это еще почему?

В у с п е р т. Как мой отец. Пройда, карьерист, интернационалист, марксист-ленинец, циник, сволочь! Но я его любил, потому что он – мой отец.

А д а. Вау!

В у с п е р т. Циник, циник и карьерист. Карьеристы плюют на идеалы. Но плевать на идеал – это тоже в каком-то смысле идеал. У меня нет ни того, ни другого. Ни за, ни против. Дырка от бублика. За что держаться?

В о р о б ь е в а. Вусперт ты просто безбожник.

В у с п е р т. А ты божница?

В о р о б ь е в а. Да.

В у с п е р т. Да знаю я тебя. Тоже побежишь, где больше дают. Бога в карман и побежишь. Еще и других отгалкивать будешь.

Р о м а н (оторвался от ноутбука). Между прочим, у меня сегодня день рождения. Я родился в этот день. Уточняю – земля была в том же положении относительно солнца и других планет.

В у с п е р т. Относительно.

Р о м а н. Конечно, относительно.

В о р о б ь е в. Мог бы и не родиться.

Р о м а н. Вполне. Мой папаша на день раньше явился из командировки, а ведь мог бы через день или через два... Но тогда бы родился уже не я, а кто-то другой. Цепь случайностей. И родился я. Я... Вот он, я!

В о р о б ь е в а. Здорово.

Р о м а н. Планеты так соединились. Да. Я! Я! Я родился. Вот он я. Нос. Руки. Существую который год на этом свете.

А д а. Твое здоровье. Существовай.

Ада залпом выпила свой бокал. Роман опять углубляется в ноутбук. Возвращается
Кузина.

В о р о б ь е в а. Кузина, тебе это надо?

К у з и н а. Что?

В о р о б ь е в а. Тип этот. Тебе это надо?

К у з и н а. Так жалко же.

В о р о б ь е в а. Тебя к таким и тянет. Ко всяким уродам. Это карма твоя. Ты лучше нас с Воробьевым пожалей, Вусперта пожалей.

К у з и н а. Вусперта?

В о р о б ь е в а. Знаешь, как мне Вусперта жалко!

К у з и н а. Не издевайся

Вусперт грустно колупает салат.

В о р о б ь е в а. Поэтому у тебя и жизнь не складывается. Все тебя тянет не к тому, к кому надо.

К у з и н а. А к кому надо?

В о р о б ь е в а (смотрит в потолок). Так тебе это и скажут.

Звонок в дверь.

А д а. Мы никого не ждем.

В о р о б ь е в а. А Новиков?

А д а. У Новикова температура.

Опять звонок.

Не люблю незваных гостей.

В о р о б ь е в а. Да ты вообще гостей не любишь.

Звонок.

Р о м а н. Открой!

А д а. Забыла. Это все-таки твой день рождения.

Ада открывает, входит Жудренко.

Жудренко? Опять?!

Ж у д р е н к о. Я понимаю... Это смешно, наверно...

А д а. Да уж!

Ж у д р е н к о. Я бы хотел объясниться...

А д а. Может, извиниться?

Ж у д р е н к о. Это одно и то же. Моя жена – удивительная женщина.

А д а (насмешливо). Это мы уже поняли.

Р о м а н. Помолчи, а? Дай человеку сказать.

Ж у д р е н к о. Да, она удивительная! Она смелая. Она правдивая, искренняя. Да! Ведь никто не говорит правду. Или врут или молчат. Да, в основном – молчат. Из ложной вежливости, но больше, да, по-трусости, конечно... Это снизу доверху, снизу доверху. Начиная с семьи, с самых близких и дальше, дальше... Ну вы понимаете, конечно... Все завралось. Хоть и назвали это – хорошим воспитанием, дипломатизмом, гибкостью, разумным компромиссом. Как ни назови, в основе все равно – ложь. И все – за, все – за. За эту ложь! Она одна против. Когда-то, еще в начале... она сказала – я хочу быть свободна. Даже в семье, брак – не клетка. Я буду делать, что захочу и когда захочу. (После паузы.) В начале мне было тяжело...

А д а. Я думаю!

Ж у д р е н к о. Очень, очень мучался. Но виду не показывал. От этого было еще хуже. И мне, и ей. Напряжение. Страшное напряжение. Ведь ей тоже была нужна правда. И тогда я стал проявлять себя и свои чувства. Адекватно, так сказать.

В о р о б ь е в а. Как сегодня?

Ж у д р е н к о. Допустим.

В о р о б ь е в а. От этого легче?

Ж у д р е н к о. Безусловно.

А д а. Чушь какая-то. Просто ваш брак исчерпал себя.

Ж у д р е н к о. В том-то и дело, что не исчерпал. Люди разные, дорогая хозяйка. Общих рецептов нет. Или вы предпочитаете, чтобы все были похожи, как китайских болванчиков? Так проще давать советы, выписывать рецепты, устанавливать законы. Так проще понимать жизнь усредненному уму. В свою очередь, не буду настаивать, но по каким-то чуть заметным признакам, скажу, что, возможно, как раз ваш брак исчерпал себя.

А д а (напряженно). Да ну?

Ж у д р е н к о. Осталась пустая оболочка, застывшая форма, а под ней два почти чужих, равнодушных друг к другу человека...

В о р о б ь е в а (напряженно). Ну... вы...

А д а. По-моему, это уже хамство.

Ж у д р е н к о. Я не настаиваю на своем мнении. Вернулся я не только для этого...

(Усмехнулся.) Чтобы хамить. (Смотрит на Вусперта.) Мне хочется задать пару вопросов вот этому человеку...

В у с п е р т (напряженно). У вас есть вопросы?

Ж у д р е н к о. Мне интересно, на что вы рассчитывали?

В у с п е р т. В смысле... Не понял. Я рассчитывал?

Ж у д р е н к о. Вы знали, что она замужняя женщина и от мужа уходить не собирается. Она всегда расставляет все точки.

В у с п е р т (усмехнулся). Так далеко я не заглядывал.

Ж у д р е н к о. Тогда в чем смысл? В охоте, в победе, в новых эмоциях?

В у с п е р т. Да ладно вам!

Ж у д р е н к о. Я хочу, чтобы вы ответили.

В у с п е р т (истерично). Я ничего вам не должен! Я не собираюсь отвечать на ваши дурацкие вопросы! Оставьте меня в покое!

Ж у д р е н к о (спокойно). Я не сомневаюсь – в ресторанах она заказывала самые дешевые блюда... Она давала вам понять, что победа над ней невозможна, она ничем вам не обязана.

В у с п е р т. Женщины сами не знают, чего хотят...

Ж у д р е н к о. Только не она. Итак, она ясно дала вам понять, что ваши претензии не обоснованы, она ничего вам не должна и свободна от каких-либо обязательств. Тем ни менее, вы применили насилие.

В у с п е р т (удивлен). Простите?

Ж у д р е н к о. У нее на запястье – синяки! У нее тонкая, нежная кожа, а вы хватали ее за руки.

В у с п е р т (неожиданно фальцетом). Она ткнула в меня вилкой! Вот! Полюбуйтесь!

Ж у д р е н к о. Вы – мужчина! Вы вели себя недопустимо. Как муж, я должен, я обязан ее защитить!

Дает Вусперту пощечину. Пауза.

А д а. Я вызову милицию...

Р о м а н. Я удивляюсь, почему он раньше этого не сделал.

Ж у д р е н к о. У меня все. Хотя нет, постойте, я действительно явился... Да... И съел порядочно. Потом эти витамины. Я компенсирую... (Кладет на стол деньги.)

Р о м а н. Не валяйте дурака!

Ж у д р е н к о. У вас день рождения... Я поздравляю... Какой-нибудь подарок... Прощайте.

Жудренко ушел.

А д а. Наглец. Наглец и негодяй.

В у с п е р т. Почему я, такой нежный и впечатлительный, должен оставаться неотомщенным?

Р о м а н. Я всегда говорил тебе, Гриша – когда-нибудь ты нарвешься.

А д а. Что он тут наболтал... У нас – хороший брак. И у Воробьевых... (После паузы.) Нам хорошо!

Воробьева остекленело смотрит в одну точку.

Извращенец! Правда, Катя?

Воробьева не отвечает.

В о р о б ь е в а (после паузы). Кузина была влюблена в Ромку...

А д а (высокомерно). Думаю, это был глухой номер.

К у з и н а. Вы так говорите, как будто меня нет. А я -- здесь. Я – здесь.
В о р о б ь е в а. А я была влюблена в учителя математики.
А д а. А я была влюблена в фонарь на углу. Высокий и ярко светит.
В о р о б ь е в. Почему глухой номер? Ромка ей взаимностью отвечал, я прекрасно помню...
В о р о б ь е в а. Воробьев, ты всегда некстати.
В о р о б ь е в. Из песни слов не выкинешь.
В о р о б ь е в а. Кузина была хорошенькая. Другое дело – никакого характера.
К у з и н а. Люди – я здесь, я здесь.
В о р о б ь е в. Понятно, это у тебя характер.
В о р о б ь е в а. У меня характер. (После паузы.) Да не могу сказать, что у меня такой уж характер. Это у Адки характер.
В о р о б ь е в. У Адки – да.

Воробьев размашисто себе наливает.

В о р о б ь е в а. Воробьев, может хватит?
В у с п е р т. Что в жизни определяющее – судьба или воля?
А д а. И то, и другое.
В у с п е р т. Нет уж. Куси-выкуси! Моя судьба жениться на Маруське, Ромке на Адке, Воробьеву на Воробьевой... Звезды так решили... Вселенная – это огромная клетка! Моя судьба, такому нежному и трепетному, сидеть здесь с людьми, которые меня не понимают.
А д а. Вусперт, не переходи границ!
В у с п е р т. А то что? Выгонишь?
А д а. Выгоню. В этом и будет моя свободная воля.
В у с п е р т. Это будет не твоя свободная воля, а твой стержневой характер. Да я и сам пойду.

Но Вусперт не успевает уйти, как появляется Тетя.

Т е т я (всплескивает руками). Вы только представьте – меня здесь не кормят!
А д а. Тетя, тетя! Идите! Идите к себе!

Ада уводит тетю, закрывает за ней дверь.

В о р о б ь е в а. Боже...(После паузы.) Я помню... Она действительно была строгая, внушительная... Где она работала?
Р о м а н. В плановом отделе. Она была начальницей планового отдела.
В у с п е р т. Помню я эти плановые отделы! Помню я эти пла-ны!
Р о м а н (жестко). Она меня вырастила.

Опять приоткрывается дверь и выглядывает Тетя.

Т е т я. Вы только представьте!

Ада опять закрывает дверь, придавливая своим телом.

А д а (в сердцах). Она у нас уже третий месяц! Даже Ромку не узнает. Я уже не говорю про себя.

В о р о б ь е в а. Я знаю такие случаи...

А д а. Мне плевать на твои случаи. Мне от этого не легче!

Р о м а н. Она будет у нас жить столько, сколько понадобится. Это – моя тетя. (После паузы.) Позови ее к столу.

А д а. Рома?

Р о м а н. Я сказал...

Ада медленно идет к тетиной комнате, открывает дверь.

А д а (открывает дверь). Тетя, идите к столу...

Тетя выходит сначала боязливо, потом прямит спину и садится даже как-то величественно.

Р о м а н. Поставь ей прибор.

Ада ставит прибор.

Положи что-нибудь...

А д а. Ей нельзя копченое...

Р о м а н (сквозь зубы). Тогда положи не коп-че-ное...

Ада накладывает салат.

Т е т я (берет нож с вилкой, но тут же со звоном роняет их на тарелку, смотрит на Кузину).
Ноночка, детка!

К у з и н а. Да, Валентина Степановна!

А д а (с досадой). Смотри ты, она даже Ромку не узнает!

Т е т я. Ты постарела, детка. (С упреком.) Почему ты так постарела? А ведь была такая куколка. Мы с Машенькой все боялись, что вы с Ромочкой поженитесь. А Ромочка был талантливый, ему надо было учиться. Он уже в третьем классе сказал – тетя, я хочу быть, как Энштейн... А ты такая куколка, такая хрупкая... Машенька сказала – поговори с ней... Ты помнишь?

К у з и н а. Помню Валентина Степановна...

Т е т я. Помнишь?

К у з и н а. Помню...

Т е т я. В моем кабинете...

К у з и н а. Я вас и так боялась, а тут еще этот кабинет...

Т е т я. Потом мы с Машенькой жалели...

А д а. Уж не обо мне ли!

Т е т я. Я так давно не видела Машеньку... Даже странно, почему она не заходит...

Р о м а н. Тетя, мама умерла!

Т е т я. Ты знаешь, меня здесь не кормят .
К у з и н а. Вы поешьте, поешьте...

Кузина пододвигает к ней тарелку. Тетя послушно берет нож и вилку,
но тут же их роняет.

Т е т я (после паузы, жалобно). Здесь все чужие... Даже Машенька не заходит... (После паузы.) А ты заходи. Заходи, детка... Вон мой кабинет.

Ушла.

А д а. Что надо, так она слышит! (Потихоньку распаляясь.) Три месяца... Это же надо!
Перерыла Интернет, как лучше, как правильнее... Новый блендер купила! Целыми днями
на кухне! И вот благодарность! Они с Машей жалели, что их Ромочка не женился на
Кузиной! Анекдот! Это просто какой-то анекдот!
Р о м а н. Мою мать звали Мария Степановна.
В о р о б ь е в а (глянула на часы). О, нам пора! Люди, пора. Засиделись...

После паузы все начинают поспешно собираться. Воробьев тянется к
бутылке, Воробьева останавливает его.

Может, хватит?

Р о м а н. Да пусть выпьет. На посошок.

В о р о б ь е в. Без посошка не дойду.

В о р о б ь е в а. Ему что посошок, что не посошок – лишь бы повод. Пошли, пошли!
Засиделись!

Воробьев уже стоя, с рюмкой в руках сентиментально смотрит на Рому.

Ромка, твое здоровье! А помнишь, как мы с тобой пиво пили на школьном заборе? В
каком это классе?

В о р о б ь е в а. Да он пиво, по-моему, с первого класса пил!

В о р о б ь е в. Скажи уже – с пеленок.

Р о м а н. Насчет пеленок не знаю, но тогда для него это был уже не первый опыт, а я с
забора упал.

В о р о б ь е в (радостно). А! Помню! Помню! Как он с забора! Ромка вообще был
шибздик!

А д а. Кто-кто?

В о р о б ь е в. Шибздик!

В о р о б ь е в а. Да не был он шибздик. Просто ты был самый большой.

В о р о б ь е в. Да, я был большой. Вспомнил! Ха-ха!

В о р о б ь е в а. Воробьев, молчи...

В о р о б ь е в. Ха-ха! Вспомнил!

В о р о б ь е в а. Молчи!

Выходят в прихожую, прощаются. Воробьевы особенно оживлены. «Ну все...»,

«Пока...», «Пока-пока...», «Привет... все...», «Пока.»
Ушли.

А д а. Счастье-то какое! Наконец-то!

Ада стягивает тесную кофточку, набрасывает халат, скидывает туфли и с сигаретой устраивается на диване.

Р о м а н. Воробьев прослышал, что у меня есть вакансия.

А д а. Воробьев – пьяница.

Р о м а н. Не сказал бы, что очень.

А д а. Пьяница-пьяница! (После паузы.) И что ты ответил?

Р о м а н (задумчиво). Ответил? Ответил – нет.

А д а. Ну так правильно.

Р о м а н. Все равно узнает.

А д а. Узнает, так узнает. Вон, бутылку Хенесси вылакал.

Р о м а н. Жалко?

А д а. Есть приличия. Я все смотрела – когда же остановится? А он все наливает и наливает, наливает и наливает, наливает и наливает...

Р о м а н. Не переживай. Они больше не придут.

А д а. Счастье-то какое! Тебя это огорчает?

Р о м а н. Разве что Вусперт...

А д а. С очередной шлюшкой? Нет уж! Одна у меня бокал разбила, эта вообще черт-те что!

Р о м а н. Гриша – мой друг.

А д а. С каких это пор?

Р о м а н. С давних... (После паузы, медленно, изменившимся голосом). И Воробьев -- мой друг. С еще более давних...

Резко встал, чуть не сбросив ноутбук на пол.

И Галка Воробьева!

Ада подхватила, готовая к прыжку.

(С ненавистью.) Молчи! Молчи!

Роман подошел к столу, налил коньяка, выпил. Ада настороженно следит за каждым его движением. Какой-то момент он стоит, рассеянно глядя куда-то в сторону, потом неожиданно начинает хохотать.

А д а. Ты что?

Р о м а н. А ведь я действительно говорил, что хочу быть как Эйнштейн. Его портрет висел в школьном коридоре. Как раз напротив нашего класса. (После паузы.) Ты бы хотела, чтобы твой портрет висел в школьном коридоре?

А д а. У меня нет твоего тщеславия.

Р о м а н. Это у тебя-то? Я не знаю женщины тщеславней!

Наливает еще коньяка.

Да любые уроды, упыри болотные, циничные и те уж для своих деток в школьном коридоре абы кого не повесят, а повесят все равно по их понятиям -- идеал... Потому что школьный коридор – это школьный коридор, фьюче в чистом виде... (После паузы.)

Самое смешное, тетка с матерью, наверно, в это поверили!

А д а (фыркнула). Вот уж старые дуры...

Р о м а н. Не смей! Не смей!

Ада в испуге затихает.

Где мои дипломы?

А д а (после паузы). Там же, где все документы. Свидетельство о рождении, военный билет.

Р о м а н. А где документы?

А д а. В нижнем ящике твоего стола...

Р о м а н. Почему ты так далеко их засунула?

А д а. Они тебе нужны?

Роман резко выдвигает ящик стола, летят на пол документы. Роман перебирает их, опять захохотал.

Да перестань, наконец, уже не смешно.

Р о м а н. Тебе не смешно, да? Не смешно? А мне – смешно!

Пытается собрать документы, но в какой-то момент они опять летят на пол.

Да что происходит?! Мне кто-нибудь объяснит, что происходит?

Между тем, Ада принесла из кухни большую банку черной икры, делает себе бутерброд. Ест.

А д а (спокойно). Перепил ты, вот это и происходит.

Р о м а н (смотрит на нее). Что, и икру пожалела?

А д а. Да лопали они икру, за обе щеки!

Р о м а н. А сама не наелась?

А д а. Когда мне было есть? Только вокруг и бегала.

Р о м а н. Тогда ешь, ешь... Что так слабо? Бери ложку и ешь... (Надвигается на нее.) Я кому сказал – бери ложку и ешь!

А д а (тихо). Ты что, с ума сошел?

Р о м а н (угрожающе). Я кому сказал – бери ложку и ешь!

А д а (испуганно съедает немного икры прямо из ложки). Сумасшедший...

Р о м а н. А теперь одень шубу.

А д а. Какую?

Роман приносит шубу.

Р о м а н. Да хоть эту!

Набрасывает Аде на плечи шубу поверх халата. Потом достает еще одну.

А теперь эту!

Ада хочет снять прежнюю, но Роман не дает.

Сверху, сверху! А теперь – эту! (Швыряет еще одну шубу.) А теперь опять – ешь! Нам хорошо! Нам хорошо!

А д а (жалобно). Идиот...Идиот...

Ада пытается выбраться из-под своих шуб.

Р о м а н. Сидеть!

Ада испуганно замирает. Роман перебирает документы.

Р о м а н. Школа, институт, аспирантура... Мои красные дипломы! Мое фьюче... Будущее-прошедшее! Есть такое время в русском языке? Будущее-прошедшее! Нет? Ну так будет! А, вот оно... Свидетельство о рождении... Мать, отец... Родился... Потом приложишь свидетельство о смерти. Умер... Когда умер? Я не знаю, когда умер отец... А, может, еще и не умер...Да, живет себе поживает! Но циником он не был. Это я по себе знаю, циником он не был! Никогда его не видел. Меня вырастили мать и тетя...
А д а. Ты рассказывал... Тысячу раз!

Р о м а н. Еще слушаешь.

Ада делает очередную попытку выбраться из-под груды одежд.

Р о м а н. Сидеть!!

Ада замирает.

(После паузы.) Они шли на родительское собрание, тетя держала мать за руку, как две школьницы. Они и были школьницы, вечные школьницы! Идеалистки. Насмотрелись портретов в школьном коридоре! (После паузы.) Видели то, что хотели видеть. Верили во что хотели верить. Они в меня верили...

А д а. Разве ты не оправдал?

Р о м а н. Ешь!

А д а. Ненормальный.

Р о м а н. Ешь!

А д а (зло плачет). Дети устроены. Здоровы! Нам все завидуют. Что тебе еще надо?

Р о м а н. Что мне надо? (После паузы.) Смысл...

А д а. Никому не нужен, а тебе, конечно, нужен какой-то особенный смысл!

Появляется тетя.

Т е т я. Ромочка, мальчик...

Р о м а н. Да, тетя...

Т е т я. Ты кричишь, ты расстроен...

Р о м а н. Да, тетя...

Т е т я. Какой сегодня день?

Р о м а н. День моего рождения...

Т е т я. Какой ужас! Ромочка, я забыла! У меня же нет подарка!

Р о м а н. Ты меня узнала, это уже подарок.

Т е т я. Просто ужасно! Как это без подарка? Я всегда делала тебе подарки. Подожди, подожди...

Тетя ушла в свою комнату, Рома и Ада изумленно смотрят ей вслед.

Тетя возвращается, в руках маленькая потертая коробочка.

Т е т я. Это твои часики. Я их сохранила.

Р о м а н. На мою руку уже не налезет. (Рассматривает.) Мои первые часы...

Механические... Пружинка, колесики... Гениально... Ведь это гениально... Пружинка, колесики... (Заводит часы.) Черт побери, они идут!

Т е т я. Идут, идут, Ромочка, конечно идут.

Р о м а н. Они идут, тетя!

Т е т я. Идут, Ромочка... Они идут и ты иди, они идут и ты иди... Они идут и ты иди.

Нарастающий звук идущих часов.

Конец